 © Авторы статьи / Authors of the article

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ/NATIONAL HISTORY

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.173.9 EDN: CJFJNX

ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ «ХУДОЖЕСТВ» ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК XVIII ВЕКА: СТАТУС, ПРАКТИКИ И ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО

Научная статья

Рубцова М.В.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0003-4003-4988;
[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (abc33[at]yandex.ru)

Предложена: 25.07.2026; Принята: 02.10.2026; Опубликована: 17.11.2026

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о месте и роли женщин в художественных и ремесленных мастерских Петербургской академии наук в XVIII столетии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на формальную закрытость системы академического ученичества для женщин, существовали устойчивые неформальные практики их вовлечения в художественно-ремесленную деятельность — прежде всего через семейное обучение, работу по найму в качестве мастериц и привлечение иностранных специалистов. Особое внимание уделяется прецедентным случаям получения женщинами академических званий, а также художественному творчеству представительниц царствующего дома и кругу художниц-любительниц, чья деятельность составила важный пласт отечественной художественной культуры XVIII в.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, XVIII век, художественные мастерские женское художественное образование, социальная история искусства.

WOMEN IN THE SYSTEM OF "ARTS" OF THE ST. PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES IN THE 18TH CENTURY: STATUS, PRACTICES, AND BOUNDARIES OF THE POSSIBLE

Research article

Rubtcova M.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0003-4003-4988;
[1] Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (abc33[at]yandex.ru)

Suggested: 25.07.2026; Accepted: 02.10.2026; Published: 17.11.2026

Abstract

The article examines the issue of the place and role of women in the artistic and craft workshops of the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th century. The author concludes that, despite the formal closure of the academic apprenticeship system to women, there were stable informal practices of their involvement in artistic and craft activities — primarily through family training, employment as craftswomen, and the engagement of foreign specialists. Special attention is paid to precedent cases of women receiving academic titles, as well as to the artistic creativity of representatives of the imperial family and the circle of amateur women artists, whose activities formed an important stratum of Russian artistic culture of the 18th century.

Keywords: St. Petersburg Academy of Sciences, 18th century, art workshops, women's art education, social history of art.

Введение

Основанная указом Петра I от 28 января (8 февраля) 1724 г. Петербургская академия наук с самого начала замышлялась не только как сугубо научное, но и как художественно-ремесленное учреждение. Устойчивая формула «наук и художеств» закрепляла принципиальное соединение теоретического знания с прикладными ремёслами, что нашло воплощение в создании при Академии разветвлённой системы художественных палат и мастерских. В первой половине XVIII в. в Академии функционировало 13 мастерских различного профиля — от Рисовальной и Гравировальной до Словолитной, Переплетной, Камнерезной и Оптической палат. Рисовальная палата, входившая в этот комплекс, являлась крупнейшим учебным центром России в середине XVIII столетия [1].

Академия наук и художеств рассматривалась как учреждение, где художники должны были помогать ученым, например, создавать гравюры, карты и научные иллюстрации. Профессиональных мастеров в России было мало. Русских художников посылали учиться за границу. Также Петр I активно приглашал европейских специалистов, обещая им высокие гонорары и привилегии; одной из обязанностей прибывших было брать учеников и передавать им свои знания [5].

Вопрос о том, чтобы брать в ученицы девочек, даже не возникал, почти все ученики были мальчиками. Весь XVIII век дворянское общество осваивало новые требования после петровских преобразований и стало давать девочкам домашнее образование, которое рассматривалось как необходимое для ведения светской жизни. Девушкам преподавали в основном языки, танцы, рисование и музыку, причем обучение игре на клавишных инструментах занимало в этой системе центральное место [7].

 © Авторы статьи / Authors of the article

В отечественных исследованиях справедливо указывается, что «творчество женщин XVIII и первой половины XIX веков в России, когда художницы, работавшие профессионально (или почти профессионально), были буквально наперечет, является, безусловно, ценным предметом для изучения» [6]. Вопрос о присутствии женщин в системе академических «художеств» остаётся на периферии исследовательского внимания. Между тем он позволяет не только реконструировать реальные практики функционирования академических мастерских, но и поставить более общую проблему: каковы были механизмы включения женщин в художественно-ремесленную деятельность в условиях, когда формальные институциональные каналы для них были фактически закрыты? Настоящая статья представляет собой попытку ответить на этот вопрос на основе анализа доступных документальных свидетельств и историографических данных применительно к XVIII столетию.

Методы и принципы исследования

Методологическую основу работы составили историко-культурный и социальный подходы, позволившие рассмотреть проблему женского присутствия в академических мастерских не через призму формальных уставов, а в контексте повседневных ремесленных, семейных и сословных практик XVIII столетия.

В исследовании используются историко-документальный, биографический методы и метод прецедентных случаев для реконструкции индивидуальных профессиональных траекторий Д.М. Гзель, М.-А. Колло и августейших особ. Изучение феномена дворянского любительства опиралось на контекстуальный анализ, связывающий альбомное творчество с моделью домашнего образования и светского досуга.

Ключевой принцип исследования — разграничение формального институционального статуса и фактического участия. Такой подход позволил зафиксировать разрыв между жесткими социокультурными табу эпохи (в частности, запретом на изучение анатомии и работу с обнаженной натурой) и реальной, хотя и маргинализованной, востребованностью женского труда в специфических художественных и прикладных нишах.

Основные результаты

3.1. Женщины-ученицы и мастерицы: формальные запреты и неформальные практики

В массовом порядке обучение девочек в художественных и ремесленных палатах Академии не практиковалось. В ученики принимали преимущественно мальчиков [3], и сама идея системного обучения девочек в стенах академических мастерских не ставилась на повестку дня. Однако из этого правила существовали важные исключения. Путь в профессию для женщин часто пролегал через семейное обучение — в мастерской отца или мужа. Эта модель, характерная для ремесленной культуры раннего Нового времени в целом, позволяла женщинам получать профессиональные навыки, оставаясь вне формальной иерархии «ученик — подмастерье — мастер».

Так, документы 1724 г. фиксируют случаи, когда женщин официально определяли в мастеровые структуры, но происходило это исключительно в рамках традиционной дворцовой системы — в Мастерской палате царицы Екатерины Алексеевны. Среди них — Варвара Назарова, которую обучали шитью золотом и серебром, Акулина Володимерова, а также Татьяна Матвеева, значившаяся мастерицей «галандской пряжи» [2]. Эти случаи показательны: они свидетельствуют о том, что, хотя формальная система ученичества была гендерно окрашена, практическая потребность в женском труде в определённых специализациях (прежде всего в текстильных и декоративно-прикладных ремёслах) приводила к возникновению неформальных образовательных траекторий.

Ключевое различие, которое необходимо провести, — это различие между ученицами и взрослыми женщинами-мастерицами. Если первые в системе академических «художеств» были исключением, то вторые представляли собой устойчивую, хотя и малочисленную, категорию работниц. Они выполняли конкретные прикладные задачи: создавали декоративные элементы, занимались вышивкой, изготовлением различных изделий. Их труд был востребован, однако в общих отчётах и реестрах такие сотрудницы фигурировали редко, что указывает на их периферийный статус в общей структуре академических мастерских [2].

Статус женщин-мастериц был неформальным и вспомогательным. Они не проходили тот же путь иерархического продвижения, что и мужчины, и не обладали равными правами в принятии решений в мастерской. Присутствие женщины в «художествах» часто было связано с личной ситуацией: жена мастера могла помогать в делах, вести учёт, обучать дочерей или заменять супруга в его отсутствие [4]. Иными словами, их участие было опосредовано семейными связями и не предполагало самостоятельного профессионального статуса, сопоставимого с мужским.

3.2. Российский период творчества иностранных художниц Доротеи Марии Гзель и Мари-Анн Колло

Отдельную категорию среди работавших в России в XVIII в. специалистов составляли иностранные художницы. Их опыт был значим не только в практическом, но и в символическом измерении: он демонстрировал альтернативные модели женского участия в художественной жизни и постепенно менял представления о возможностях женщин в этой сфере.

Доротея Мария Генриетта Гзель (Gzell) относится к первым художницам-иностранкам, работавшим в Санкт-Петербурге. Она была супругой живописца Гзеля, приехавшего в Россию по приглашению Петра I. Благодаря семейному положению она смогла профессионально реализоваться: поступить на службу в Императорскую Академию наук, преподавать рисование и получать такое же жалованье, как её муж. Этот пример показывает, что руководство Академии в тот период готово было оценивать труд женщины и мужчины одинаково, не снижая выплат женщине при равной работе. Для XVIII века подобный подход был скорее исключением и свидетельствовал о сравнительно передовых взглядах академической администрации [6].

В отличие от Академии наук, в Императорской академии художеств (ИАХ) участие женщин в профессиональной художественной жизни носило персональный, индивидуально санкционированный характер. Ярким примером здесь служит судьба французского скульптора Мари-Анн Колло (1748–1821). Будучи ученицей Этьена Мориса Фальконе, она прибыла в Россию вместе с ним в 1766 г. В России Колло работала над созданием памятника Петру I — «Медного всадника»; именно ей принадлежит модель головы императора. За выполненную работу Екатерина II назначила ей

 © Авторы статьи / Authors of the article

пожизненную пенсию. В 1767 г. Колло была удостоена звания академика Императорской Академии художеств. Это был беспрецедентный случай: женщина получила высшее академическое звание по личному распоряжению императрицы, минуя все формальные процедуры, недоступные для российских женщин [5].

При Павле I в 1800 г. почётного звания удостоилась ещё одна иностранная художница — Элизабет Виже-Лебрен [5]. Таким образом, в течение XVIII столетия женщины могли получить академическое звание только «по приказу свыше» — как исключение, а не как правило [6].

3.3. Художницы при царском дворе и круг художниц-любительниц

Особый интерес представляет художественное творчество женщин из императорской фамилии. В XVIII столетии, когда российский престол занимали женщины, само их правление создавало прецедент, при котором женщина воспринималась как равная мужчине в вопросах власти и прав. Екатерина II вошла в историю отечественной культуры не только как автор мемуаров, но и как художница. Ей, в частности, принадлежит рисунок для обложки театрального либретто «Феб», а также произведения декоративно-прикладного искусства, например шахматы из кости и миниатюры, хранящиеся в российских музеях [6]. Не менее важным её вкладом стало учреждение Смольного института благородных девиц (1764), с которого началось развитие женского образования в России.

Среди женщин императорской фамилии самым ярким художественным дарованием обладала Мария Фёдоровна (1759–1828), супруга Павла I. Из её станковых работ известен «Натюрморт» (1787, ГРМ), в котором заметно следование голландской живописной традиции. Творческие интересы императрицы отличались исключительной широтой: она писала маслом, акварелью и пастелью, занималась гравировкой на молочном стекле, вырезала портретные камеи на многослойных яшмах и агатах. Отдельно стоит отметить, что Мария Фёдоровна одной из первых в мире освоила токарное дело, так на станке она вытачивала из янтаря и кости чернильницы и украшения для стола. Её талант получил признание и за рубежом: немецкий историк Г. К. Наглер внёс её имя в биографический словарь художников, выпущенный в Мюнхене в 1839 году. Спустя полвека в журнале «Вестник изобразительных искусств» вышла работа Д. Ф. Кобеко, посвящённая Марии Фёдоровне как художнице и любительнице искусств, где она представлена как многогранная и одарённая мастерица [6].

Наряду с представительницами императорского дома, в России складывался обширный круг дворянок, занимавшихся искусством на любительском уровне. Само любительское творчество было тесно связано с развитием художественного образования в стране: оно и обогащало национальную культуру, и способствовало формированию общественной инициативы в культурной сфере [6]. В конце XVIII — начале XIX в. особую роль играло альбомное творчество. Женщины-любительницы, принадлежавшие к разным слоям российского общества, нередко заполняли страницы памятных книжек собственными рисунками. Такие работы отражали актуальные художественные веяния эпохи и одновременно показывали, как развивалось домашнее женское художественное образование, остававшееся в России практически единственным доступным путём обучения вплоть до середины XIX в. [6].

Обсуждение

Анализ положения женщин в академических «художествах» был бы неполным без учёта социокультурных ограничений, которые определяли саму структуру возможного в XVIII веке [4]. Многие виды художественной работы — в частности, изучение анатомии, работа с обнажённой натурой — считались для женщин неприемлемыми [6]. Это дополнительно ограничивало их доступ к тем направлениям, которые требовали такого рода подготовки (прежде всего к исторической живописи и скульптуре в её монументальных формах).

Показательно, что даже в тех случаях, когда женщины получали образование вне Академии например, в частных школах, открывавшихся в России с середины XVIII в., рисование преподавалось им преимущественно как «благородное» умение, а не как профессиональная подготовка [4]. Система Смольного института благородных девиц (1764) также ориентировалась на воспитание «просвещённых» женщин, а не на подготовку профессиональных художниц. Обучение рисованию в Смольном институте, как и в других учебных заведениях для девочек, не предполагало глубокого изучения искусства с погружением в анатомию и другие специальные предметы [5]. Таким образом, даже самые прогрессивные образовательные проекты XVIII в. не ставили целью создание профессиональной художественной среды для женщин.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. В XVIII в. система «художеств» Петербургской академии наук была в целом закрыта для женщин как система формального ученичества и профессиональной карьеры. Однако это не означало полного отсутствия женщин в академических мастерских. Они присутствовали там в нескольких ипостасях: как наёмные мастерицы узкой специализации (преимущественно в декоративно-прикладных ремёслах), как ученицы в рамках семейного обучения (единичные случаи) и как иностранные специалистки, приглашённые для выполнения конкретных проектов. Случаи Доротеи Марии Гзель (равная оплата и статус в Академии наук) и Мари-Анн Колло (звание академика в 1767 г.) демонстрируют как потенциальные возможности, так и их границы — эти случаи остались исключениями, не повлёкшими за собой институциональных изменений.

Вместе с тем XVIII век стал важным этапом в формировании предпосылок для последующего включения женщин в художественную жизнь России. Пребывание женщин на российском престоле на протяжении большей части столетия, художественные увлечения императриц (особенно Марии Фёдоровны), деятельность иностранных художниц, а также широкий круг художниц-любительниц из дворянской среды — всё это постепенно меняло общественные представления о возможностях женщин в сфере искусства. Женщины могли реализовать свой творческий потенциал сфере любительского искусства, когда профессиональные академические пути были для них закрыты. XVIII столетие заложило фундамент, на котором в следующем веке началось постепенное открытие женских рисовальных классов и допуск женщин к академическому образованию, но само это столетие осталось временем исключений, а не правил.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Дальнейшее изучение проблемы требует обращения к архивным фондам Петербургской академии наук — протоколам, сметам, спискам работников мастерских, — которые могут содержать дополнительные имена и детали условий труда женщин в академических «художествах». Перспективным представляется также сравнительный анализ положения женщин в академических мастерских и в других художественных центрах России XVIII в.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Стецкевич Е.С. Рисовальная палата Петербургской академии наук (1724–1766) / Е.С. Стецкевич. — Санкт-Петербург: Наука, 2011. — 255 с.

2. Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692-1724 : Очерк из рус. истории XVIII в. — Репринт. воспроизведение изд. 1884 г. / М.И. Семевский. — Ленинград: Худож. лит, Ленингр. отд-ние, 1991. — 344 с.

3. Иванов В.Е. Образовательная деятельность в художественных мастерских Санкт-Петербургской Академии наук (1724–1766 гг.) dis.. ...Candidate of Sciences: 5.8.1. : защищена 2026-05-15 : утв. 2026-05-15 / В.Е. Иванов. — Москва: 2026. — 27 с.

4. Стецкевич Е.С. Педагоги и ученики — обучение художественному мастерству в Академии наук в первой половине XVIII в. / Е.С. Стецкевич // Управленческое консультирование. — 2012. — 2(46). — С. 210–218.

5. Дёмкина Н. Горящая изба / Н. Дёмкина // Как женщины добивались права заниматься искусством в Российской империи. — 2025. — URL: https://burninghut.ru/kak-zhenshhiny-dobivalis-prava-zanimatsya-iskusstvom-v-rossijskoj-imperii/. (дата обращения: 25.07.26)

6. Лебедева Е.Г. Творчество женщин-художниц в культуре России: На материале светского искусства XVIII – последней трети XIX веков dis.. ...Candidate of Sciences: 5.10.1 : защищена 2005-03-09 : утв. 2005-07-25 / Е.Г. Лебедева. — Москва: 2005. — 248 с.

7. Рубцова А.В. Клавесин в придворной музыкальной жизни Санкт-Петербурга XVIII века / А.В. Рубцова // Сборник научных статей национальной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава ФГБОУ ВО "ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова" 30 сентября – 20 октября 2024 года. — Санкт-Петербург: ГУМРФ, 2025. — С. 71–75.

8. Бренева И.В. История Инструментальной палаты Петербургской академии наук (1724-1766) / И.В. Бренева. — Санкт-Петербург: Наука, 1999. — 166 с.

9. Андреева Е.А. Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива С.-Петерб. института истории : каталог. Ч. 1 / Е.А. Андреева. — Санкт-Петербург: Наука, 2003. — 789 с.

10. Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века : указатели к содержанию (1728–1781 гг.) // Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук. — 2021. — URL: https://vedomosti1728.ru/?r=82 (дата обращения: 25.07.26)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Steczkevich E.S. Risoval'naya palata Peterburgskoj akademii nauk (1724–1766) [Drawing Chamber of the St. Petersburg Academy of Sciences (1724–1766)] / E.S. Steczkevich. — Saint Petersburg: Nauka, 2011. — 255 p. [in Russian]

2. Semevskij M.I. Czaricza Katerina Alekseevna, Anna i Villem Mons, 1692-1724 : Ocherk iz rus. istorii XVIII v. — Reprint. vosproizvedenie izd. 1884 g. [Tsarina Catherine Alexeyevna, Anna, and Willem Mons, 1692–1724: An Essay on Russian History of the 18th Century. — Reprint. Reproduction of the 1884 edition.] / M.I. Semevskij. — Leningrad: Xudozh. lit, Leningr. otd-nie, 1991. — 344 p. [in Russian]

3. Ivanov V.E. Obrazovatel'naya deyatel'nost' v xudozhestvenny'x masterskix Sankt-Peterburgskoj Akademii nauk (1724–1766 gg.) [Educational activities in the art workshops of the St. Petersburg Academy of Sciences (1724–1766)] dis.....of PhD in : 5.8.1. : defense of the thesis 2026-05-15 : approved 2026-05-15 / B.E. Иванов. — Moscow: 2026. — 27 p. [in Russian]

4. Steczkevich E.S. Pedagogi i ucheniki — obuchenie xudozhestvennomu masterstvu v Akademii nauk v pervoj polovine XVIII v. [Teachers and students — teaching artistic skills at the Academy of Sciences in the first half of the 18th century] / E.S. Steczkevich // Management consulting. — 2012. — 2(46). — P. 210–218. [in Russian]

5. Dyomkina N. Goryashhaya izba [The burning cellar] / N. Dyomkina // How women sought the right to engage in art in the Russian Empire. — 2025. — URL: https://burninghut.ru/kak-zhenshhiny-dobivalis-prava-zanimatsya-iskusstvom-v-rossijskoj-imperii/. (accessed: 25.07.26) [in Russian]

6. Lebedeva E.G. Tvorchestvo zhenshhin-xudozhnicz v kul'ture Rossii: Na materiale svetskogo iskusstva XVIII – poslednej treti XIX vekov [Creativity of women artists in Russian culture: Based on the material of secular art of the 18th – last third of the 19th centuries] dis.....of PhD in : 5.10.1 : defense of the thesis 2005-03-09 : approved 2005-07-25 / Е.Г. Лебедева. — Moscow: 2005. — 248 p. [in Russian]

 © Авторы статьи / Authors of the article

7. Rubtsova A.V. Klavesin v pridvornoi muzikalnoi zhizni Sankt-Peterburga XVIII veka [Harpsichord in the court musical life of St. Petersburg in the 18th century] / A.V. Rubtsova // Collection of scientific articles of the National Scientific and Practical Conference of the Faculty of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping" on September 30 – October 20, 2024. — Saint Petersburg: GUMRF, 2025. — P. 71–75. [in Russian]

8. Breneva I.V. Istoriya Instrumental'noj palaty' Peterburgskoj akademii nauk (1724-1766) [History of the Instrumental Chamber of the St. Petersburg Academy of Sciences (1724-1766)] / I.V. Breneva. — Saint Petersburg: Nauka, 1999. — 166 p. [in Russian]

9. Andreeva Ye.A. Peterburg v epokhu Petra I. Dokumenti v fondakh i kollektsiyakh Nauchno-istoricheskogo arkhiva S.-Peterb. instituta istorii : katalog. Ch. 1 [St. Petersburg in the era of Peter I. Documents in the funds and collections of the Scientific-Historical Archive of St. Petersburg. Institute of History: catalog. P. 1] / Ye.A. Andreeva. — Saint Petersburg: Nauka, 2003. — 789 p. [in Russian]

10. Gazeta «Sanktpeterburgskie vedomosti» XVIII veka : ukazateli k soderzhaniyu (1728–1781 gg.) [Newspaper "St. Petersburg Vedomosti" of the 18th century: indexes to contents (1728–1781)] // Research Department of Bibliography and Library Science of the Library of the Russian Academy of Sciences. — 2021. — URL: https://vedomosti1728.ru/?r=82 (accessed: 25.07.26) [in Russian]